

DOI: 10.25991/VRHGA.2018.19.3.037

УДК 168.5

К. В. Копейкин, О. Н. Резник*

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПОИСК АДЕКВАТНОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматриваются проблемы философской и теологической оценки нейробиотехнологического улучшения человека. В этой связи ставится вопрос о языковой стороне проблемы. Современный научный язык, в частности язык нейронаук, на котором описываются биотехнологии, радикально отличается от языка философии и теологии, уходящего корнями в античную философию. Утверждается, что для содержательного обсуждения философско-религиозных проблем биотехнологического улучшения человека необходим новый понятийный язык, укорененный в той теологической традиции, на почве которой возникла современная наука.

Ключевые слова: биотехнологии, нейробиотехнологическое улучшение человека, нейробиотехника, биоэтика, философия, теология.

K. V. Kopeykin, O. N. Reznik

*PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS PROBLEMS OF HUMAN
NEUROBIOTECHNOLOGICAL IMPROVEMENT: THE SEARCH
FOR AN ADEQUATE LANGUAGE*

The article discusses the problems of philosophical and theological assessment of human neurobiotechnological improvement. In this regard, the question of the language side of the problem is raised. Modern scientific language, in particular the language of neuroscience, which

---

* Копейкин Кирилл Владимирович, протоиерей, кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, доцент, Санкт-Петербургская духовная академия, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». Резник Олег Николаевич, доктор медицинских наук, профессор, руководитель Санкт-Петербургского городского координационного центра, НИИ скорой помощи им. И. И. Джанелидзе; вице-председатель, Российское общество трансплантологов; председатель, Ассоциация трансплантационных координаторов; главный научный сотрудник, Институт философии РАН.

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00917.

describes biotechnology, is radically different from the language of philosophy and theology, rooted in ancient philosophy. It is argued that for a substantive discussion of the philosophical and religious problems of biotechnological human improvement, a new conceptual language is needed, rooted in the theological tradition on the basis of which modern science originated.

Keywords: biotechnology, human neurobiotechnological improvement, neuroethics, bioethics, philosophy, theology.

Бурное развитие естествознания в XX в. позволило человеку не только активно преобразовывать окружающий его мир, но и поставить вопрос о преобразовании самого человека, о его «улучшении». В связи с этим остро встает вопрос об этической, философской и религиозной оценке такого рода преобразований. При этом когда речь заходит о теологическом осмыслении возникающих проблем возникает проблема языка. Дело в том, что традиционный язык православной теологии уходит своими корнями в античную философию. Это обусловлено тем, что теология в основном сформировалась в эпоху поздней античности и потому естественным образом усвоила принятый тогда философский понятийный аппарат. Сегодня же, рассуждая о проблемах биотехнологий, мы пользуемся совершенно иным понятийным языком, зачастую даже не осознавая того, насколько эти два языка далеки друг от друга.

Одним из важнейших (и одним из самых многозначных) терминов греческой философии является λόγος. Греческое λόγος, традиционно переводимое как слово, имеет широчайший спектр значений, в т. ч.: I) речь, из-речение; условие, договор; рассказ, история, сочинение; положение в философском учении; дело; II) счет (*число*); соотношение, пропорция, соразмерность; вес (*пер.*); забота (*пер.*); III) разум, разумное основание, причина, смысл, понятие (см.: [10, с. 1034]). Логос, этимологически восходящий к праиндоевропейскому корню *leg- — «собирать, подбирать», со-чета-ет элементы мироздания, артикулирует его (*articulus* — «сочленение, сустав, часть, момент, артикль»). «Логос — это сразу и объективно данное содержание, в котором ум должен “отдавать отчет”, и сама эта “отчитывающаяся” деятельность ума, и, наконец, сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания; это противоположность всему безотчетному и бессловесному, безответному и безответственному, бессмысленному и бесформенному в мире и человеке», — пишет С. С. Аверинцев (1937–2004) [1, с. 116–117]. Примечательно, что формулирование философских категорий происходит одновременно с формированием античной науки о языке, главной проблемой которой было исследование связи между предметом и его именем — связано ли имя вещи (ὄνομα) с нею «по природе (φύσει)» или «по закону (νόμῳ)»; эта связь и осуществляется в λόγος'е. Позднее термин Логос проникает в библейскую богословскую традицию в значительной степени благодаря трудам Филона Александрийского (Φίλων τοῦ Ἀλεξανδρείας, ок. 25 г. до н. э. — ок. 50 г. н. э.).

В философию логос как понятие было введено Гераклитом Эфесским (Ἡράκλειτος ὁ Ἐφέσιος; ок. 544 — ок. 483 г. до н. э.), называвшим так всеобщую *связь вещей*:

Эту-вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую

с этой-вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее] даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] согласно природе [=истинной реальности] и высказывая [их] так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие [13, с. 189].

Логос позволяет существу стать зримым, явным, явить себя (ἀποφαίνεσθαι), причем явить совершенно особым образом — явить множественность в единстве, увидеть все как одно: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы видеть все как одно» [13, с. 199].

Структура субъективного психологического знания о внешней действительности античными философами была, если так можно выразиться, «онтологизирована» и принята за структуру бытия. Аристотель (Ἀριστοτέλης, 384–322 гг. до н. э.), создавая свой понятийный аппарат, фактически отождествляет структуру простейшего субъективного суждения как связывание субъекта (subjektum — «лежащий в основе» — то, о чем мыслится в данном суждении) и предиката (praedicatum — «сказанный» — то, что мыслится о субъекте суждения, признак предмета мысли) с онтологическим «строением» вещи как объединения сущности (греч. οὐσία — те из свойств вещи, которые нельзя изменить, чтобы она не перестала быть сама собой) или субстанции (лат. substantia — букв. под-ставка, субстрат, нечто, лежащее в основе) с качествами (греч. σμμεβητικός — то, что принадлежит вещи, но не входит в ее сущность; то, что можно изменить так, чтобы вещь не перестала быть сама собой) или акциденциями (лат. accidentia — случайно появляющееся). Вот как говорит об этом Хайдеггер (*Martin Heidegger*, 1889–1976):

Привычно считать, что определение вещиности как субстанции с акциденциями соответствует нашему естественному взгляду на вещи. Неудивительно, что к такой привычной точке зрения на вещь примерилось и обычное отношение к вещам, а именно обращение к вещам и говорение о вещах. Простое высказывание состоит из субъекта (а субъект есть латинский перевод и, значит, уже перетолкование слова ὑποκειμενον) и из предиката, в котором называются признаки вещи. Кто посмеет поколебать эти простейшие основания отношения между вещью и суждением, между строением суждения и строением вещи? И все же мы вынуждены спросить: строение простейшего суждения (связывание субъекта и предиката) — это зеркальное отражение строения вещи (объединения субстанции с акциденциями)? Или, быть может, строение вещи, представленное в таком виде, набросано в соответствии с каркасом суждения?.. Вопрос о том, что первично, что задает меру, строение суждения или строение вещи, до сей поры еще не разрешен. И сомнительно даже, допускает ли вопрос в этом своем виде какое бы то ни было решение [14, с. 57–58].

В трактате «Категории» Стагирит перечисляет девять типов категорий (предикатов), которые могут сказываться о под-лежащем (субъекте) предложения: количество, качество, отношение, место (пространство), время, состояние, обладание, действие, претерпевание. Изначально κατηγορία — «обвинение» (ката- — приставка, обозначающая противодействие, и ἀγορεύω — «выступаю с речью (на собрании)», οἶκος — «народное собрание»); исходный смысл

«обвинения» был ослаблен Аристотелем до «утверждения, высказывания». Именно в этом, втором смысле Стагирит применил слово *катηγορία* по отношению к наиболее общим характеристикам (признакам) вещей. Этим категориям в философской аристотелевской модели универсума придается онтологический смысл: сущее свидетельствует о своем бытии — ‘категоризирует’ с(еб)я — различными способами. Эти способы бытия существуют не самостоятельно, но лишь по отношению к сущности, существующей в подлинном смысле слова:

Ни одна из прочих [категорий] не существует в отдельности, все они высказываются о подлежащем (το υλοκείμενο) [каковым является] “сущность” (οὐσία) (Физика, I, 2, 185a 31–32) [4, с. 63].

Бытие же само по себе приписывается всему тому, что обозначается через формы категориального высказывания: ибо сколькими способами делаются эти высказывания, в стольких же смыслах обозначается бытие (Метафизика, V, 7, 1017a 26–29) [3, с. 156].

Как отмечал выдающийся французский лингвист Эмиль Бенвенист (*Émile Benveniste*, 1902–1976), выделяя категории как универсальные предикаты бытия, Аристотель на самом деле получает в результате лишь категории, специфичные именно для греческого языка:

Аристотель выделяет совокупность предикатов, которые можно высказать о бытии, и стремится определить логический статус каждого из них... Такие типы являются прежде всего языковыми категориями и Аристотель, выделяя их как универсальные, на самом деле получает в результате основные и исходные категории языка, на котором он мыслит... В той степени, в какой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно *сказать*, ограничивает и организует то, что можно *мыслить*... Классификация этих предикатов показывает нам прежде всего структуру классов форм одного конкретного языка [5, с. 107, 111].

Для Аристотеля исходным пунктом постижения реальности является чувственное восприятие, опыт, но опыт не в смысле эксперимента, а повторяющийся опыт, доведенный до универсализма, то «общее знание», которое требуется только объяснить, не «открывая» что-то новое.

«Из чувственного восприятия возникает, как мы говорим, способность помнить. А из часто повторяющегося воспоминания об одном и том же возникает опыт, ибо большое число воспоминаний составляет вместе некоторый опыт. Из опыта же, т. е. из всего общего, сохраняющегося в душе, из единого, отличного от множества, того единого, что содержится как тождественное во всем этом множестве, берут свое начало искусство и наука: искусство — если дело касается создания чего-то, наука — если дело касается сущего», — утверждает он (Вторая аналитика, II, 19, 100a 3–9) [2, с. 345–346].

Все возможные способы объяснения и понимания исчерпываются, по Стагириту, четырьмя возможными моделями, которые называются «причинами»: материальной, формальной, действующей, и целевой (Метафизика V, 2, 1013a 24–1013b 3). Так, материальная причина (ὑλη, ὑλοκείμενον, *causamaterialis*) евхаристической серебряной чаши — серебро; ее формальная причина (εἶδος, μορφή,

causaformalis) — замысел мастера; действующая причина (αρχήτηςκίνησεως, causaefficientis) — труд мастера; целевая причина (τέλοςουενεκα, causafinalis) — совершение Литургии, чем определяются форма и материал нужной для этого чаши. Оpozнание причин — важнейший момент философского познания мира, которое должно каждой вещи отвести свое собственное место и, классифицировав мироздание, объяснить чем именно является та или другая вещь и почему она ведет себя так, а не иначе (см.: [9, с. 32–34]).

Современная наука, в контексте которой оказалось возможным поставить вопрос о преобразовании самого человека, радикально порвала со всей предшествующей натурфилософской традицией. Прежде всего, новоевропейская наука принципиально отказалась от аристотелевских целевых причин. Что-либо происходит лишь потому, что есть нечто, что вынуждает к этому. Далее, наука решительно отказалась от онтологического различения движения и покоя. Если для всей предшествующей до-нововропейской натурфилософской традиции, корнями уходившей в аристотелевскую физику, движение и покой были онтологически различны, то первый закон Ньютона (*Isaac Newton*, 1642–1727) гласит:

Всякое тело продолжает удерживаться в своем состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние [12, с. 39].

Это означает, что в современной физике, вопреки всей предшествовавшей натурфилософской традиции, движение и покой онтологически эквивалентны. Далее, новоевропейская наука принципиально отказалась от «стершихся метафор» философского языка (используемые для описания природы философские понятия представляют собою, как выразался Гегель (*Georg Wilhelm Friedrich Hegel*, 1770–1831), «стершиеся метафоры»; Жан-Поль (*Jean Paul, Johann Paul Friedrich Richter*, 1763–1825) называл философский язык «словарем увядших метафор»; следы этой метафоричности позволяют наполнять философские понятия индивидуальными смыслами и, субъективно интерпретируя внешнюю действительность, переживать мир в себе), в силу своей метафоричности нагруженных отягощающими их смыслами, и стала описывать мир при помощи «стерильного» языка математики. Качественное объяснение мира заменяется его количественным описанием. В предисловии к первому изданию «Математических начал натуральной философии» (1687) Ньютон пишет: «Новейшие авторы, отбросив субстанции и скрытые свойства, стараются подчинить явления природы законам математики» [12, с. 1]. **Принципиальное отличие математической теории мира от любой другой заключается в том, что математические объекты в природе не существуют; они творятся самим теоретизирующим субъектом, причем творятся рационально.** Первым тезисом о том, что «Книга Природы написана на языке математики», четко сформулировал Галилей (*Galileo Galilei*, 1564–1643):

Философия написана в величественной книге (я имею в виду Вселенную), которая постоянно открыта нашему взору, но понять ее может лишь тот, кто сначала научится постигать ее язык и толковать знаки, которыми она написана.

Написана же она на языке математики, и знаки ее — треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без которых человек не смог бы понять в ней ни единого слова; без них он был бы обречен блуждать в потемках по лабиринту [7, с. 41].

Более того, Галилей утверждает, что математика, изначально возникшая в пифагорейском сообществе как способ *Богопознания*, не просто используется в ней как способ описания моделируемых событий, внутренняя природа которых остается сокрытой, но прикасается к самой сути бытия. В «Диалоге о двух главнейших системах мира» (1632) устами своего «рупора» Сальвиати Галилей настаивал:

Я утверждаю, что человеческий разум познает некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа; таковы чистые математические науки, геометрия и арифметика; хотя божественный разум знает в них бесконечно больше истин, ибо он объемлет их все, но в тех немногих, которые постиг человеческий разум, я думаю, его познание по объективной достоверности равно божественному [*sic!*], ибо оно приходит к пониманию их необходимости, а высшей степени достоверности не существует [6, с. 89].

Собственно, именно из-за этого и произошел конфликт Галилея с Католической церковью: проблема заключалась не в том, что вокруг чего вращается — Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца, а в том, кто знает истину — церковь или наука. В этом смысле весьма показательным определением инквизиции по делу Галилея:

Ему [Галилею] предписано не рассуждать более никоим образом, ни письменно, ни устно, о движении Земли или о неподвижности Солнца, ни о противоположном (*et e contra*) под угрозой повторного наказания. Книгу же под заглавием “*Dialogo di Galileo Galilei Linceo*” запретить [15, p. 154] (пер. И. С. Дмитриева).

Иными словам, даже если бы Галилей сказал: «Наука подтверждает то, о чем говорит Католическая церковь — Земля находится в центре мира», — ему это так же было бы запрещено: лишь одна церковь (не наука!) обладает монополией на истину и лишь она одна может выносить истинные суждения, в том числе и о природе мироздания. Сегодня мы хорошо знаем, чем закончился этот спор.

Наконец, моделируя мир при помощи математики, современная наука обнаружила динамические законы природы. Если для всей предшествующей натурфилософской мысли онтологический статус движения был проблематичным, то здесь оказалось, что именно движение обладает эйдосом, описуемым при помощи идеальной математики. Это принципиально новая онтологическая картина мира! Поэтому сегодня, как только мы обращаемся к православной теологии и начинаем использовать традиционные для нее понятия сущности, энергии, логоса, ипостаси — мы тут же выпадаем за пределы современной научной картины мира. Эти две картины онтологически несовместимы!

Что же делать в этой ситуации? На наш взгляд, здесь на помощь приходит сама специфика объективного языка науки. Дело в том, что современная физика моделирует мир при помощи введения величин, позволяющих сопо-

ставить элементам реального физического мира не существующие в природе математические объекты — числа. Такое сопоставление осуществляется в процессе реализации процедуры измерения — исследования отношения одного элемента физической реальности к другому. Таким образом, объективирующая наука описывает не мир «сам по себе», но лишь *проекции* различных элементов мира на измерительные приборы. Получающиеся в итоге физические теории оказываются теориями отношений. В силу описанной «относительности» математические (структурные) теории физического мира открыты для содержательной интерпретации.

«Минималистская» интерпретация классической физики — материалистическая. Тщательно проанализировав предпосылки новоевропейского естествознания, Кант (*Immanuel Kant*, 1724–1804) показал, что начиная с эпохи Нового времени метафизика природы превращается в *метафизику материи*. Обсуждая проблему превращения естествознания в *математическую науку*, Кант в работе «Метафизические начала естествознания» писал:

Чтобы стало возможным приложение математики к учению о телах, лишь благодаря ей способному стать наукой о природе, должны быть предпосланы принципы конструирования понятий, относящиеся к *возможности материи вообще*; иначе говоря, в основу должно быть положено исчерпывающее расчленение понятия о *материи вообще*. Это — дело чистой философии, которая для этой цели *не прибегает ни к каким особым данным опыта*, а пользуется лишь тем, что она находит в самом отвлеченном (хотя по существу своему эмпирическом) понятии, соотнесенном с чистыми созерцаниями в пространстве и времени (по законам, существенно связанным с понятием *природы вообще*), отчего *она и есть подлинная метафизика телесной природы* [11, с. 60–61].

Вплоть до начала XX столетия материалистическая интерпретация физики себя оправдывала. Но после возникновения теории относительности, и особенно, квантовой механики, ситуация радикально изменилась. В классической физике понятия массы, расстояния, времени и силы казались интуитивно понятными (впрочем, благодаря теории относительности выяснилось, что и это далеко не так). Между тем, в квантовой механике математическим представителем реальности является волновая функция, или вектор состояния. Несмотря на потрясающую предсказательную эффективность квантовой механики мы совершенно не понимаем, какая физическая реальность соответствует этому математическому конструкту. Если вдуматься — это скандал! С момента создания квантовой механики прошло почти 100 лет а мы до сих пор не понимаем «о чем» она! Именно поэтому выдающийся российский физик Нобелевский лауреат академик В. Л. Гинзбург (1916–2009) относил проблему интерпретации нерелятивистской квантовой механики к числу «трех “великих” проблем современной физики», существование которых, означает, что «пока вопросы не выяснены, ни в чем нельзя быть уверенным» [8, с. 1254].

По нашему глубокому убеждению как для описания той реальности, которая открывается в сокровенной глубине мироздания, так и для содержательного обсуждения философско-религиозных проблем биотехнологического улучшения человека, необходим новый понятийный язык. Такой язык может

быть создан, если вспомнить, что современная наука возникла в контексте представления о том, что Творец дает Откровение в виде двух Книг, первая из которых — Библия, а вторая — Книга Природы. Те структуры, которые обнаруживает наука, — это, фактически, синтаксис Книги Природы. Содержательной интерпретация обнаруживаемых нами структур мироздания в контексте той смысловой библейской теологической традиции, на почве которой выросла современная наука, даст возможность создать новый понятийный язык, адекватный, с одной стороны, современному состоянию науки, с другой стороны — органично укорененный в той теологической традиции, на почве которой эта наука возникла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Логос // Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. — Киев: Дух і Літера, 2001.
2. Аристотель. Вторая аналитика // Аристотель. — Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1978. — Т. 2.
3. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1976. — Т. 1.
4. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1981. — Т. 3.
5. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика / ред., вступ. статья и комм. Ю. С. Степанова. — М.: Прогресс, 1974.
6. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира — птоломеевой и коперниковой / пер. А. И. Долгова. — М.; Л.: ОГИЗ СССР, Государственное изд-во технико-теоретической литературы, 1948.
7. Галилей Г. Пробирных дел мастер / пер. Ю. А. Данилова. — М.: Наука, 1987.
8. Гинзбург В. Л. О сверхпроводимости и сверхтекучести (что мне удалось сделать, а что не удалось), а также о «физическом минимуме» на начало XXI века // Успехи физических наук. — 2004. — Т. 174, вып. 11.
9. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. — М.: Новое литературное обозрение, 2015.
10. Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий под ред. С. И. Соболевского. Т. 1. — М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. — Т. 1.
11. Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Соч.: в 6 т. — М.: Мысль, 1966. — Т. 6 / ред. Т. И. Ойзерман.
12. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / пер. с лат. и примеч. А. Н. Крылова; предисл. и ред. Л. С. Полака. — М.: Наука, 1989.
13. Фрагменты ранних греческих философов. — М.: Наука, 1989. — Ч. 1: От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И. Д. Рожанский.
14. Хайдеггер М. Вещь и творение // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / сост., пер. с нем., вступ. ст., примеч. А. В. Михайлова. — М.: Гнозис, 1993.
15. I Documenti del Processo di Galileo Galilei / ed. S. M. Pagano & A. G. Luciani. — Città del Vaticano: Pontificia Academia Scientiarum e Archivi Vaticani, 1984.